
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: сб. ст. к 100-летию со дня рождения профессора В.П. Грибанова / отв. ред. Е.А. Суханов и А.Е. Шерстобитов ; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, юрид. фак., кафедра гражданского права. – Москва : Статут, 2021. –264 с. (Реф. кн.).

Ключевые слова: гражданское право; вещное право; недвижимое имущество; злоупотребление правом; публичный договор; абонентский договор; защита прав потребителей.

Problems of implementation and protection of civil rights : collection of articles on the 100 th anniversary of the birth of professor V.P. GRIBANOV / ed. E.A. Sukhanov and A.E. Sherstobitov; Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Legal Faculty, Department of Civil Law. – Moscow: Statute, 2021. – 264 p. (Ref. book).

Keywords: civil law; property law; immovable property; abuse of law; public contract; subscription contract; consumer protection.

Для цитирования: Крысанова Н.В. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки : Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 2. – С. 194–203. Реф. кн.: Проблемы осуществления и защиты гражданских прав: сб. ст. к 100-летию со дня рождения профессора В.П. Грибанова / отв. ред. Е.А. Суханов и А.Е. Шерстобитов ; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, юрид. фак., кафедра гражданского права. – М. : Статут, 2021. – 264 с.

В обзоре нашли отражение публикации ведущих российских цивилистов – профессоров В.В. Витрянского, Е.А. Суханова, А.Е. Шерстобитова, С.В. Третьякова по теме защиты гражданских прав. В их статьях, опубликованных в сборнике «Проблемы осуществления и защиты гражданских прав», посвященном 100-летию со дня рождения профессора В.П. Грибанова, исследуются про-

блемы правового регулирования осуществления и защиты гражданских прав, решенные и не решенные в ходе реформы гражданского законодательства.

Отмечается, что существенные изменения были внесены в ст. 10 ГК РФ, устанавливающую пределы осуществления гражданских прав. В частности, в данной статье реализован новый подход к определению понятия «злоупотребление правом», которое может повлечь за собой отказ в судебной защите соответствующего права. Помимо известной формулы шиканы, которая и ранее предусматривалась п. 1 ст. 10 ГК РФ и определялась, как осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, понятием «злоупотребление правом» теперь также охватываются действия в обход закона с противоправной целью и иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав. Если злоупотребление правом повлекло за собой нарушение права другого лица, указанное лицо вправе требовать возмещения причиненных убытков (с. 14).

Вместе с тем, несмотря на то что и ранее согласно прежней редакции ст. 10 ГК РФ действовал запрет на злоупотребление правом, В.В. Витрянский признает, что нормы, содержащиеся в статье, трактовались в судебной практике чрезвычайно широко, причем речь идет как о самом понятии «злоупотребление правом», так и о законоположении о правовых последствиях нарушения запрета на злоупотребление правом. В прежней редакции статьи наряду с традиционной шиканой говорилось также о «злоупотреблении правом в иных формах». В судебной практике обнаруживались новые формы злоупотребления правом, а также расширение перечня возможных юридических последствий подобной квалификации спорных правоотношений. По мнению ученого, анализ предыдущего судебного опыта и новой редакции ст. 10 ГК РФ, согласно которой понятием «злоупотребление правом» охватывается не только шикана, но и действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав, требует к себе весьма осторожного отношения (с. 19). Необходимо исключить возможность расширительного толкования закона, а также разработать критерии и признаки тех сделок и иных действий по осуществлению гражданских прав, которые могут быть квалифицированы в качестве действий в

обход закона с противоправной целью либо заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав. Данное заявление, полагает автор, в равной мере относится и к практике применения законоположений о правовых последствиях злоупотребления правом. Особенно это касается возможности применения так называемых мер, предусмотренных в п. 2 ст. 10 ГК РФ, а также возмещения убытков согласно п. 4 ст. 10 ГК РФ (с. 20).

Остановливаясь на анализе правовых норм о судебной защите гражданских прав (ст. 11–16 ГК РФ), В.В. Витрянский подчеркивает, что в ходе реформы гражданского законодательства формально не подверглись изменению, кроме расширения перечня способов защиты нарушенных прав за счет такого нового способа, как признание недействительным решения собрания (ст. 12 ГК РФ). С его точки зрения, высшей судебной инстанции следует скорректировать судебную практику, связанную с применением как общих положений о судебной защите гражданских прав, так и правил о некоторых отдельных способах защиты: неприменение судом актов государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону; самозащита; возмещение убытков. Ранее суды нередко отказывали в удовлетворении требований на том основании, что истцом неверно избран способ защиты нарушенного права, который по этой причине не в состоянии обеспечить восстановление нарушенного права.

Особое внимание автор уделяет такому способу защиты нарушенных прав, как возмещение убытков. Излагаются позиции Пленума Верховного суда РФ, направленные на формирование новой, более благоприятной для применения данного способа защиты и судебной практики. Во-первых, расширительное толкование нормы п. 5 ст. 393 ГК РФ, рассчитанного на применение в случаях рассмотрения судебных споров о возмещении убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств. «Распространение действия данного законоположения и на другие случаи возмещения убытков, причиненных нарушением иных (помимо обязательственных) субъективных гражданских прав, представляется вполне оправданным и заслуживающим одобрения» (с. 23). Во-вторых, дается толкование правил, определяющих убытки в виде реального ущерба, которое позволяет обеспечить полное возмещение соответствующей части убытков. В-третьих,

обращено внимание на то обстоятельство, что при разрешении спора, связанного с возмещением убытков в виде упущенной выгоды, необходимо учитывать, что ее расчет, представляемый истцом, зачастую является приблизительным и носит вероятностный характер, что само по себе, однако, не может служить основанием для отказа в иске. В-четвертых, при предъявлении иска о возмещении убытков, причиненных в результате незаконных действий (бездействий) государственных органов непосредственно к государственному органу, само по себе не может служить основанием к отказу в удовлетворении такого иска. В подобных случаях суд должен привлечь в качестве ответчика по делу публично-правовое образование и одновременно определить, какой орган будет представлять его интересы в судебном процессе (с. 24).

Новый этап развития гражданско-правового законодательства начался в 2012 г. и продолжается в настоящее время, и это в значительной мере касается законодательства о защите прав потребителей. Как подчеркивает А.Е. Шерстобитов, осуществляются «масштабные шаги по практической реализации мер по реформированию кодификационного законодательства, а также модернизация норм Закона о защите прав потребителей. В первую очередь это касается изменений ст. 426 ГК РФ о публичном договоре и ст. 426.4, включенной в ГК РФ, о договоре с исполнением по требованию (абонентском договоре)» (с. 48). Уточненная конструкция публичного договора расширяет представление о лицах, профессионально действующих в сфере розничной торговли, перевозки транспортом общего пользования, услуг связи, энергоснабжения, медицинского, гостиничного обслуживания и т.д. Публичным договором теперь признается такой договор, который заключен лицом, осуществляющим предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, а не только коммерческой организацией. Кроме того, в публичном договоре цена товаров, работ или услуг должна быть одинаковой для потребителей соответствующей категории. А вот иные условия публичного договора теперь не могут устанавливаться исходя из преимуществ отдельных потребителей или оказания им предпочтения за исключением случаев, когда законом или иными правовыми актами допускается предоставление льгот отдельным категориям потребителей. Таким образом, новая формулировка публичного договора создает справедливый баланс

интересов экономически неравных участников гражданского оборота при соблюдении их формального юридического равенства (с. 49).

В связи с реформированием ГК РФ в части финансовых сделок А.Е. Шерстобитов анализирует особенности договора предоставления займа под проценты заемщику-гражданину в целях, не связанных с предпринимательской деятельностью. Прямой отказ законодателя в гл. 42 ГК РФ от правового регулирования отношений в сфере потребительского кредита в совокупности с указанием в Законе о потребительском кредите на то, что он основывается на положениях ГК РФ, в лучшем случае могут толковаться как соответствие его норм лишь общим принципам гражданского законодательства, изложенным в ст. 1 ГК РФ, считает автор. С таким подходом, по мнению автора, ни в коем случае нельзя согласиться, поскольку он находится в полном противоречии с ГК РФ (с. 51). А.Е. Шерстобитов считает, что модернизация ГК РФ в сфере правового регулирования займа и кредита, а также принятие Закона о потребительском кредите показывают, что принцип расширения прав, предоставляемых слабой стороне в кредитных правоотношениях, в том числе гражданам-потребителям, реализован непоследовательно, с нарушением правил, установленных как общими, так и специальными нормами ГК РФ, и не обеспечивает в полной мере баланс интересов граждан-потребителей во взаимоотношениях с экономически более сильными лицами, оказывающими им финансовые услуги (с. 52).

В гражданско-правовые отношения с потребителями на рынке вступают различные юридические лица и индивидуальные предприниматели (ИП). По смыслу Закона о защите прав потребителей к лицам, взаимодействующим с потребителями, относятся также уполномоченные организации (уполномоченные ИП), т.е. созданные на территории РФ изготовителем или продавцом, в том числе иностранными, или действующие на основании договора с ними лица, уполномоченные ими на принятие и удовлетворение требований потребителей в отношении товара ненадлежащего качества, а также импортеры, т.е. юридические лица независимо от их организационно-правовой формы или ИП, осуществляющие импорт товара для его последующей реализации на территории РФ. Поэтому в соответствии с ФЗ от 29 июля 2018 г. № 250-ФЗ

«О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» лицами, вступающими с потребителями в обязательственно-правовые отношения являются владельцы агрегатора информации о товарах (услугах), т.е. юридические лица независимо от организационно-правовой формы или индивидуальные предприниматели, которые являются либо владельцами программного обеспечения для ЭВМ и (или) владельцами сайта, либо страницы сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, предоставляющими потребителю возможность одновременно ознакомиться с предложением продавца о заключении договора, заключить с ним договор и произвести предварительную оплату товаров путем перевода денежных средств владельцу агрегатора в рамках применяемых форм безналичных расчетов.

В связи с этим владелец агрегатора должен предоставлять информацию потребителю о себе и продавце. В настоящее время ответственность за убытки, причиненные потребителю вследствие непредоставления ему информации, а также при предоставлении недостоверной или неполной информации о товаре или продавце, на основании которой потребителем был заключен договор купли-продажи, несет владелец агрегатора, если такую информацию должен был предоставить он. Однако данная норма закона является диспозитивной и позволяет предусмотреть иные правила соглашения между владельцем агрегатора и продавцом; иное может также вытекать из существа отношений между ними. В любом случае владелец агрегатора не несет ответственность за убытки, причиненные потребителю вследствие предоставления ему недостоверной или неполной информации о товаре, если он не вносит никаких изменений в информацию о товаре, предоставленную продавцом и содержащуюся в предложении о заключении договора купли-продажи (с. 54).

Современный гражданский оборот показывает, как отмечает Е.А. Суханов, что все более значимую роль играют различные вещно-правовые режимы, в том числе категория недвижимости (недвижимых вещей). Вместе с тем данная категория продолжает вызывать споры как теоретического, так и практического характера, прежде всего в силу сохраняющейся неясности самого законодательного определения этого понятия. Ключевое значение недвижимости связано с тем, что юридическая категория определяет

само существование вещных прав. В соответствии с учением германских пандектистов (основоположник А.Ф.Ю. Тибо) именно экономическая необходимость юридически прочной возможности использования чужих земельных участков (недвижимых вещей) и обусловила появление ограниченных вещных прав.

Вместе с тем, по мнению Е.А. Суханова, категория «недвижимость» как единое четкое понятие пока отсутствует, поскольку его формированию ни в коей мере не содействует непомерная избыточность законодательного перечня «объектов недвижимости по природе», содержание которого в действительности не опирается на какие-либо продуманные критерии и подходы, а следует «за непредсказуемыми “изгибами” административно-экономической мысли. Между тем проблема недвижимости, несомненно, является ключевой для полноценного развития вещного права – основы гражданского оборота» (с. 66).

На разрешение данной проблемы и направлен законопроект о вещном праве, в котором предлагается компромиссная позиция. С одной стороны, сохранить на ближайшее время, закрепленное действующим законодательством, широкое понятие «недвижимость по природе» (но с определенными немаловажными уточнениями), не допуская его кардинального пересмотра, влекущего существенную «перестройку» не только большого законодательного массива, но и основанной на нем правоприменительной практики. С другой стороны, не терять из виду перспективы и потребности развития нормального рыночного оборота, нуждающегося в ясных и продуманных «правилах игры» (с. 67). Поскольку существующий разрыв между правом собственности на земельный участок и правом собственности на находящееся на нем строение признается российским законодательством правилом, а не исключением. В то время как традиционные нормы вещного права – от понятия «недвижимость» до сервитутов и других ограниченных вещных прав – рассчитаны на взаимоотношения частных собственников земельных участков (недвижимых вещей) (с. 67).

Предлагаемая законопроектом о вещном праве новая редакция ст. 130 ГК РФ переходит на пандектное понимание недвижимости, считая ею только земельный участок, а расположенные на нем здания, сооружения и иные объекты рассматриваются лишь в качестве его составных частей. Вместе с тем, если здания и соору-

жения не принадлежат собственнику земельного участка, они по-прежнему признаются самостоятельными недвижимыми вещами и объектами гражданского оборота. При переходе права собственности на них к новому собственнику переходят те права на земельный участок, которыми обладал прежний собственник. Тем самым доводится до логического завершения известный отечественному праву «принцип единого объекта». Из этого следует, считает Е.А. Суханов, что по мере воссоединения права собственности на земельный участок и на расположенное на нем строение последнее теряет свои юридические качества самостоятельной вещи (объекта оборота), становясь составной частью другой (недвижимой) вещи – земельного участка (с. 67).

Однако в современном отечественном толковании принцип «единого объекта», по мнению ученого, снова получил содержание, прямо противоположное классическому, – в соответствии с ним не «строение следует за землей» (*superficies solo cedit*), а земля следует за строением (собственник или иной правообладатель строения либо приватизирует земельный участок, либо получает вещный титул на него). Иными словами, преимущественное положение имеет частный собственник (правообладатель) строения, а не публичный собственник земельного участка, который теряет при этом свойства самостоятельной вещи (объекта права) и становится «составной частью» этого «единого объекта». Это уже произошло с земельным участком под многоквартирным домом, ставшим в соответствии с ЖК РФ составной частью «общего имущества дома». Однако, надеется Е.А. Суханов, начавшееся развитие правового режима недвижимости в традиционном направлении в будущем неизбежно приведет к восстановлению классических (пандектных) подходов в этом вопросе.

Концепции субъективного (частного) права посвящена статья С.В. Третьякова, в которой рассматриваются общие положения концепции швейцарского цивилиста О. Бухера, предложившего одну из самых оригинальных теоретических моделей субъективного (частного) права в современной юридической доктрине. Однако эта теория не получила должной известности в отечественной юридической доктрине. Данная модель субъективного частного права разработана в русле формальных теорий, ориентированных на взгляды А. Тона и Г. Кельзена. Основу понимания О. Бухером

субъективного частного права составляет следующий ключевой тезис: рассматриваемая модель относится к формальным, т.е. к таким, которые стремятся обнаружить существо субъективного права в его юридико-технических особенностях, в его формальном своеобразии. Другими словами, субъективное право как понятие самостоятельно, поскольку оно представляет собой юридическую технику регулирования, отличную от объективного права. Субъективное право использует ситуации, в которых наступление или ненаступление правовых последствий зависит от воли (усмотрения) управомоченного. «Иными словами, субъективное право позволяет индивидуальной воле субъекта частного права создавать нормы права для иных лиц» (с. 73).

Интересной особенностью концепции О. Бухера является, по мнению С.В. Третьякова, специфическая трактовка субъективных (частных) прав, которые в германской цивилистике именуются правами господства. Очевидный пример прав господства – право собственности. Специфическое понимание О. Бухером права собственности и всех абсолютных прав состоит в том, что абсолютные права, с его точки зрения, представляют собой полномочие предъявлять притязание к обязанным лицам по воздержанию от нарушений права. Эта возможность притязания предполагается выраженной по умолчанию. Иными словами, право собственности отождествляется с абсолютным правоотношением, однако «субъективизация обязанности достигается не через связь с правом собственника на иск в случае нарушения, а с помощью презумпции предъявления собственником требования ко всем иным лицам не нарушать его право, независимо от того, имелось ли нарушение в действительности или нет» (с. 81). При этом право собственности лишено собственно позитивного содержания, поскольку дозволение, право на собственное поведение в отношении права собственности возникает у управомоченного как фактическое следствие запрета всем другим и отсутствие запрета собственнику.

О. Бухер разграничивает понятия осуществления и распоряжения субъективными (частными) правами. Осуществление субъективного права, по его мнению, представляет собой активное поведение управомоченного в рамках существующего субъективного права, в то время как распоряжение правами предполагает изменение прав и обязанностей, их возникновение или прекращение либо

перемену субъекта права. В качестве типичных примеров распорядительных действий называются прощение долга, отсрочка и рассрочка платежа, цессия. Распорядительные действия представляют собой сделки, а осуществление права – состояния. Распорядительные действия изменяют содержание (объем, субъекта) субъективного права, а осуществление права – уточняют объем и параметры юридической обязанности. Объектом распоряжения является само субъективное право, а объектом осуществления права – притязание (с. 82).

Анализ и других составляющих элементов теории О. Бухера позволяет С.В. Третьякову сделать следующий вывод: «Основная заслуга О. Бухера состоит в том, что предложенное им понимание субъективного (частного) права позволяет формализовать идущее от пандектики понимание субъективного права как “господство воли”, вписать его в рамки господствующей юридико-позитивистской парадигмы. Другими словами, ему удалось дать убедительное теоретическое описание тех случаев, в которых правопорядок предоставляет частным лицам свободу усмотрения относительно того, наступит определенный юридической эффект или нет. О. Бухер трактует эти случаи одновременно как делегацию частным лицам правотворческой компетенции и как проявление “господство воли” частных лиц» (с. 99).

Важнейшим теоретическим достижением О. Бухера, по мнению С.В. Третьякова, стало опровержение тезиса формальной теории, согласно которому принадлежащая управомоченному по субъективному праву (особенно в правах типа притязаний) возможность требовать исполнения должником своей обязанности не имеет юридического значения. О. Бухер продемонстрировал, что требование о необходимости исполнить обязанность обладает правоизменяющим эффектом, поскольку с его помощью окончательно определяются основные параметры юридической обязанности. Вместе с тем основной проблемой теории О. Бухера является резкое разграничение между осуществлением и распоряжением правами и отрицание распорядительного эффекта осуществления права (с. 100).